

**БЮРОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРА: ПРОБЛЕМА
ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКО-
КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹**

Зуенко И.Ю.

Зуенко Иван Юрьевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Эл. почта: ivanzuwei@gmail.com

Статья посвящена вопросам функционирования субнациональных правительств приграничных регионов России и Китая, на долю которых приходится основная «нагрузка» в развитии российско-китайского регионального сотрудничества. В условиях «навязанного» взаимодействия с субъектами, отличающимися иным цивилизационным кодом и будучи ограниченными политическими практиками централизованных государств, местные бюрократии проявляют стремление ориентироваться в своих действиях на взаимодействие с Центром, не доверяют своим вынужденным партнерам и, анализируя баланс между рисками и возможностями, акцентируют свое внимание на рисках. В результате с обеих сторон не учитываются специфические черты организации бюрократического аппарата, особенности деловой культуры, выдвигаются предложения о сотрудничестве, не учитывающие интересы другой стороны и направленные на решение собственных конъюнктурных задач. По мнению автора, совокупность этих факторов определяет низкие показатели развития российско-китайского регионального сотрудничества, не соответствующие установкам Москвы и Пекина на стратегическое партнерство.

Ключевые слова: Россия, Китай, приграничные территории, фронтир, бюрократия

Постановка проблемы

В рамках современных теорий глобализации, описывающих процессы взаимодействия государств, присутствует представление о приграничных территориях (borderlands) как о месте «смешения»,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 15-07-00039 «Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России: факторы влияния на модернизационное развитие трансграничных территорий в 50-60-е гг. XX в. и начале XXI в. (Сравнительный анализ)»

«сплавления» культурных и политических пространств (Appadurai, 1996). Утверждается, что подобный феномен наблюдается не только в рамках единой цивилизационной системы (например, в Западной Европе), но и в случаях, когда граница разделяет страны с различным цивилизационным кодом. Большинство соответствующих концепций основаны на изучении границы США-Мексика (например, Dear&Burridge, 2005), а также схожих процессов в истории индийского субконтинента (Metcalf&Metcalf, 2006). В то же время взаимодействие между российским и китайским приграничьем Восточной Сибири и Дальнего Востока представляет иной пример, некоторым образом противоречащий вышеуказанным теориям. Несмотря на значительную протяженность общей границы (4209 км) и давнюю историю трансграничных контактов, феномен «сплавления» культурных и политических пространств, за вычетом отдельных кейсов, здесь не наблюдается. Таким образом, местные органы власти по обе стороны границы, являющиеся в нынешних социально-политических условиях основными акторами трансграничного взаимодействия, осуществляют свою деятельность фактически в условиях непонимания друг друга.

Современный этап российско-китайских отношений ознаменован наличием двух характеристик: с одной стороны, отношения двух стран с точки зрения стратегического партнерства являются «лучшими за всю историю»; с другой стороны, реальное экономическое и гуманитарное сотрудничество на местах остается на крайне низком уровне. Подведение промежуточных итогов Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009-18 гг.) подтверждает этот вывод. То же можно сказать и ключевом показателе экономического сотрудничества – объеме двухсторонних инвестиций, который директор ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Ларин справедливо называет «мизерным» (Ларин, 2014, с. 22). О масштабных российских инвестициях в китайскую экономику в настоящий момент говорить не приходится, однако и китайские инвестиции в Россию, относительно уровня межгосударственных отношений двух стран и потенциала российско-китайского экономического сотрудничества, можно сказать, не идут.

Безусловно, ответ на вопрос «почему» не может быть однозначным. В данном случае мы имеем дело с целым комплексом

проблем, касающихся как пресловутой проблемы «инвестиционного климата» в России, так и ряда проблем из области географии, касающихся демографии и логистики. На данном этапе ключевое значение, на наш взгляд, имеет тот факт, что в условиях значительного вмешательства государства во все сферы жизни общества, трансграничное взаимодействие осуществляется в основном местными органами власти. Мы можем констатировать, что на данный момент действия чиновников по обе стороны границы исходят из различных мотиваций, зачастую носят формальный характер, без наличия заинтересованности в реальном результате (Иванов, 2011, стр. 150). Для обеих сторон, судя по результатам интервьюирования, оказывается характерным непонимание специфики устройства региональной власти – то есть того самого партнера, непонимание особенностей которого является реальным препятствием, затрудняющим сотрудничество. Установление и разъяснение этой специфики актуально с точки зрения развития обоюдно выгодных отношений регионального сотрудничества с Китаем.

Особенности устройства региональной власти КНР и проблема эффективности взаимодействия с ней.

Сформировавшаяся в течение 1980-2000-х годов система региональной власти и управления в КНР характеризуется рядом черт, являющихся специфическими при сравнении с российскими реалиями:

Во-первых, это партократический характер политической системы в Китае. Коммунистическая партия Китая (КПК) не просто является правящей партией. Фактически вся система власти и управления, как в Центре, так и в регионах имеет дуалистический характер. Наравне с органами государственной власти (Собрание народных представителей и формируемое им Народное правительство) в регионах действует местный комитет партии, чья задача формулируется как «политическое руководство» органами власти и управления, однако на практике он занимает доминирующее положение во всех сферах жизни региона. Каждая из единиц административно-территориального устройства КНР имеет двух руководителей: по партийной и административной линиям. При этом «партийный босс», не имеющий административной должности, согласно негласной практике, является руководителем главы региона,

который, в свою очередь, являясь членом партии, занимает должность заместителя главы парткома. Сложность восприятия подобной системы со стороны внешних партнеров заключается не только в том, что реалии партократического государства могут быть непонятны (как раз на постсоветском пространстве эта проблема значительно меньше, чем в целом в мире), а в том, что контакты с партийными комитетами возможны по линии политических партий, а не государственных органов.

Между тем, содержательное сотрудничество между правящими партиями России и Китая отсутствует; двухдневный форум представителей партий в г. Суйфэньхэ в 2009 году так и остался эпизодом. Кроме того, данные партии обладают совершенно различным статусом – правящее положение КПК закреплено конституционно, в то время как положение «Единой России» зависит от политической конъюнктуры. Как следствие, складывается ситуация, когда российские чиновники чаще всего вынуждены решать вопросы приграничного сотрудничества с теми, кто занимает в китайской системе региональной власти подчиненное положение, а контакты с истинно «первыми лицами» регионов – первыми секретарями парткомов – носят эпизодический характер и ограничены по протокольным соображениям.

Во-вторых, это наличие многоступенчатой системы административно-территориального деления (АТД), которая, во-первых, имеет больше уровней (четыре), чем Россия (три: субъекты федерации – муниципальные образования – городские и сельские поселения), а во-вторых, отличается значительным числом «особых случаев», не закрепленных конституционно. Так, действующей конституцией 1982 года закреплена трехзвенная структура административно-территориального деления (ст. 30): провинциальный – уездный – волостной уровень. При этом с середины 1980-х годов в ходе осуществления т.н. «городской административной реформы» повсеместно по территории Китая были объединены округа¹ и города уездного значения, причем формально именно города поглощали округа, что привело к появлению

¹ Условные территории, включающие в себя несколько уездов, без формирования органов госвласти.

феномена «городов окружного значения» (prefecture-level cities) (Кондрашова, 2008, стр. 72).

Фактически именно они являются в настоящий момент основой внутрипровинциального административного деления и образуют отдельную, не закрепленную в Конституции, ступень системы АД. Кроме того, на низовом, также не закрепленном в Конституции, уровне АД осуществляется самоуправление соседской общиной, формируются комитеты сельских и городских жителей¹. Путаница в вопросах терминологии (например, единицы сразу трех различных уровней административно-территориального деления КНР могут наименоваться «город»), а также асимметрия структур административно-территориального деления двух стран, вызывает сложности с определением субординации при осуществлении российско-китайских официальных контактов.

Например, одним из городов-побратимов Владивостока является Яньбянь-Корейский автономный округ, что, несмотря на кажущуюся несуразность, является корректным, поскольку этот автономный округ занимает нишу города окружного значения и соответствует другому городу-побратиму Владивостока – Даляню. Однако, проведение официальных переговоров по линии Владивосток (центр субъекта федерации) – Суйфэньхэ (город субокружного значения в составе города окружного значения Муданьцзян) следует признать ошибкой. Другой пример подобной асимметрии: переговоры по линии Хасанский район (муниципальное образование в составе Приморского края) – Хуньчунь (город уездного значения в составе ЯКАО в составе провинции Цзилинь). Учитывая, какое внимание китайскими партнерами уделяется вопросам статуса и субординации, нарушение принципа соответствия уровней иерархии при осуществлении делегационного обмена сказывается на эффективности реализации некоторых инициатив российских регионов.

В-третьих, практика, согласно которой руководящие кадры регионов подвержены постоянной ротации (причем, действует «сквозной» механизм ротации, объединяющий движение как по партийной, так и административной линии). В России такая ротация

¹ Так как на низовом уровне не формируются органы государственной власти – собрания народных представителей – согласно китайской терминологии, он не включается в число уровней административно-территориального деления.

в силу условности процедуры выборов главы региона отсутствует или имеет непредсказуемый характер. Так, за период нахождения на посту губернатора Приморского края С. Дарькина (2001-12 гг.) провинцией Хэйлунцзян управляли по четыре различных партийных секретаря (Сюй Юфан: 1997-2003, Сун Фатан: 2003-05, Цянь Юньлу: 2005-08, Цзи Бинкуй – 2008-13 гг.) и губернатора (Сун Фатан: 2000-03, Чжан Цзои – 2003-07, Ли Чжаньшу – 2007-10, Ван Сянькуй – 2010-13 гг.), а провинцией Цзилинь – три различных партийных секретаря (Ван Юнькунь: 1998-2006, Ван Минь: 2006-09, Сунь Чжэнцай: 2009-12 гг.) и четыре губернатора (Хун Ху: 1998-2004, Ван Минь – 2004-06, Хань Чаньбу: 2006-09, Ван Жулинь: 2009-12 гг.). Столь частая смена действующих лиц с китайской стороны приводит к тому, что установление личного контакта руководителей, необходимого с точки зрения, как российской, так и китайской политической культуры, затрудняется.

В-четвертых, для китайских регионов характерно наличие административных единиц с особым статусом, не вписывающимся в классическую, установленную Конституцией, схему административно-территориального деления – например, городов субпровинциального и субокружного значения (Зуенко, 2012), а также специальных территорий, обладающих различными преференциями, направленными на привлечение иностранного капитала и расширение объемов экспортного производства, что обуславливает некоторую автономию местных властей в принятии управленческих решений (Александрова, 2005, стр. 10; Иванов, 2014, стр. 140).

В целом, согласно оценкам экспертов, в настоящий момент, несмотря на формально федеративное устройство в России и унитарное устройство в Китае, местные власти в КНР обладают большей автономией по сравнению с Россией, в особенности в сфере развития международного сотрудничества и выдвижения инициатив, касающихся трансграничных проектов – столь же амбициозных, сколько и нереализуемых. По мнению дальневосточного исследователя С.А. Иванова, «в России приграничные районы не имеют преференций в приграничном сотрудничестве и не участвуют в распределении материальных ресурсов, получаемых с границы (таможенные и административные сборы). Российский полюс системы приграничного сотрудничества рассчитан на максимальный

контроль трансграничных потоков из Центра и не предполагает использования международных связей в качестве существенного драйвера региональной экономики, что неизбежно приводит к снижению региональной активности в международных делах» (Иванов, 2011, стр. 150).

Для Китая же, напротив, оказывается характерна ситуация, при которой руководители приграничных районов, оказавшиеся на своих должностях в результате применения механизма ротации и рассчитывающие на скорый перевод дальше по карьерной лестнице, заинтересованы в том, чтобы в сжатые сроки (2-3 года) показать максимальный результат по тем направлениям, которые декларируются Центром в качестве приоритетных – в том числе по региональному сотрудничеству. Стремление к имиджевому, формальному результату без реальной заинтересованности в плодах того или иного проекта (их будет «пожинать» сменщик), приводит к тому, что многие инициативы китайских регионов иначе как «имитацией бурной деятельности» назвать нельзя.

С китайской стороны имеет место и регулярная «дезинформация» Центрального правительства о состоянии приграничного сотрудничества. Это объясняется не только наличием коррупционной составляющей во взаимодействии местных властей и контролирующих органов, но и описанным выше мотивом продвинуться выше в рамках ротации руководящих кадров. Анализ данных о карьерном продвижении местных руководителей уездного и окружного уровня показывает, что руководители, назначенные в центры приграничного сотрудничества и способные за время своего пребывания на посту повысить формальные показатели трансграничной активности, получают более привлекательные новые назначения (Иванов, 2011, стр. 149). Стремление не портить отчетность плохими результатами можно проследить на примере годовых докладов правительства провинции Хэйлуньцзян, в которые включается информация о торговле с Россией только тогда, когда все ее показатели «в росте» (Иванов, 2011, стр. 151). Кроме того, учитывая политику поощрения регионов, успешно «сотрудничающих» с зарубежьем, «дезинформация» Центра позволяет местным властям требовать от Пекина особых льгот и преференций, часто никак не связанных с международным сотрудничеством или завуалированным под него. По мнению С.А.

Иванова, опыт многих ориентированных на Россию промышленных и торговых зон в провинции Хэйлунцзян показывает, что они часто используются не для сотрудничества с РФ, а как обычное средство развития региональной промышленности (Иванов, 2011, стр. 150). Понимание этих особенностей деятельности властей китайской периферии также является ключом к объяснению низкой эффективности реализации трансграничных инициатив.

Кроме того, при оценке эффективности той или иной директивы Центра (например, экономической стратегии «идти вовне») необходимо учитывать, что для Китая характерен сплав интересов партийно-административной элиты и крупного бизнеса. Практика показывает, что в тех случаях, когда конкретное применение директивы Центра вредит коммерческим интересам местной элиты (например, в плане защиты окружающей среды или патентного законодательства), они реализуются с трудом или же вообще саботируются (Bergsten&others, 2009, p. 76).

Безусловно, огромное значение имеют традиционные для китайской культуры способы ведения дел, включающие обязательность личного контакта, приоритет личных договоренностей перед формальными, внимание к церемониальной стороне ведения переговоров. Составными частями подобного – строго необходимого! – церемониала являются: вручение подарков по случаю знакомства, встречи, в некоторых случаях даже проводов (зачастую, помимо официальных подарков, практикуются личные, которые вручаются лицам, с которыми поддерживаются неформальные отношения), совместный приём пищи, традиционные для китайского этикета знаки внимания при обмене визитками, обеде, проведении досуга. При осуществлении деловых контактов финансовый вопрос, как правило, не ставится: прием делегаций, проживание и в некоторых случаях даже оплата транспорта производится за счет принимающей стороны.

В настоящий момент можно констатировать, что для российской стороны при выстраивании сотрудничества с китайскими партнерами не хватает понимания описанных выше специфических особенностей, что, на наш взгляд, приводит к следующим проблемам:

Наличие договоренностей с администрацией китайской территории (равно как и с отдельными ее представителями или же лицами, позиционирующими себя как «влиятельные персоны,

способные лоббировать те или иные интересы на самом высоком уровне») не гарантирует их реализации в случае, если они не будут согласованы с партийным руководством.

Сотрудничество часто осуществляется на уровнях административно-территориального деления, не соответствующих друг другу, что является препятствием для выстраивания стройной системы регионального сотрудничества, делает двухсторонними контакты несистемными, во многом случайными и субъективными.

В рамках существующей в России системы принятия властных решений многие инициативы китайской стороны обречены на провал в силу неготовности российских властей пойти на действия, противоречащие установкам общественного мнения, в целом настроенного по отношению к Китаю алармистски, а также по причине необходимости длительного согласования с инстанциями в федеральном Центре.

Регулярно допускается ряд ошибок и просчетов, связанных с церемониальной стороной организации международных мероприятий (отсутствие или недостаточно привлекательный вид подарков, неправильная рассадка китайских гостей в ходе переговоров и банкетов, непонимание отдельных культурных особенностей).

На практике мы видим также, что важное значение имеет и личный фактор. Так, в период «губернаторства» в Приморском крае С. Дарькина (2001-12 гг.) сотрудничество с северо-восточными провинциями КНР осуществлялось регулярно, в т.ч. и посредством визитов Дарькина в Хэйлунцзян и Цзилинь. В то же время отмечается тенденция, согласно которой для раннего периода его «губернаторства» более активно развивались связи с Хэйлунцзяном, а для позднего – с провинцией Цзилинь. Анализ данных показателей позволяет предположить наличие субъективного фактора, связанного с отношениями первых лиц регионов, поскольку объективных предпосылок для резкой смены вектора международной активности Приморского края не имеется.

Следующий губернатор В. Миклушевский, являясь ставленником Москвы и будучи, очевидно, ориентированным, прежде всего, на развитие связей с федеральным Центром, сотрудничеству с Китаем уделяет значительно меньше внимания. В первую очередь, это касается личных контактов (посредством визитов в КНР и приема китайских делегаций). За время нахождения

на посту главы региона (с 2012 г.) губернатор посетил Китай только однажды (июнь 2014 г., участие в 1-м российско-китайском ЭКСПО). Учитывая, что для китайских партнеров важен паритет при осуществлении контактов, столь низкая делегационная активность была расценена как «недостаток интереса», следствием чего явилась деградация трансграничного диалога, стагнация имеющихся совместных проектов и отсутствие новых, при том, что китайская сторона готова предпринимать действия, направленные на развитие сотрудничества с Россией уже и в одностороннем порядке.

При этом, следует заметить, китайская сторона также проявляет непонимание российских реалий. Во-первых, многие из вышеозначенных «ошибок» характерны и для китайцев. Во-вторых, побочные эффекты применяемой в КНР ротации руководящих кадров приводят к тому, что руководителей приграничных регионов мыслят с позиций временщика, склоны к «имитации бурной деятельности» вместо системной, нацеленной на перспективу работы. Ориентация на достижение формальных, а не фактических результатов, имитация регионального сотрудничества вместо желания разобраться в причинах неэффективности трансграничного диалога и скорректировать свои действия, является общей проблемой бюрократических систем по обе стороны границы.

Заключение

Как видно, многие из описанных проблем имеют системный характер и не могут быть решены в краткосрочной перспективе. При существующих в России и Китае политических режимах крупные проекты могут быть реализованы только, если их инициатива исходит от властных инстанций и только после согласования с бюрократическими структурами, как на субнациональном, так и национальном уровнях. Кроме того, развитие регионального сотрудничества двух стран становится заложником объективной разности устройства органов власти в двух странах, которое, по всей видимости, сохранится и в будущем.

Однако, ввиду реализации целого ряда амбициозных установок российского правительства по обеспечению опережающих темпов социально-экономического развития восточных регионов России, следует ожидать очередного витка активизации трансграничного сотрудничества сродни тому, что наблюдался в первой половине

1990-х годов. Для того, чтобы «количество» делегационной активности наконец переросло в «качество», под которым следует подразумевать реализованные двухсторонние проекты, следует внедрить в подготовку чиновников различные образовательные программы, связанные с изучением органов власти и управления страны-партнера, а, кроме того, возможно, и применить беспрецедентные ранее меры, которые позволят властям по обе стороны границы лучше *понять* друг друга. Без этого понимания, по нашему мнению, реальное повышение эффективности трансграничного сотрудничества невозможно.

В качестве подобных мер можно предложить следующее:

1. Распространить эксперимент китайских властей по привлечению в профильные подразделения народных правительств граждан России и на российские органы власти – то есть привлекать для работы на китайском направлении граждан Китая, владеющих русским языком. Подобная практика с 2013 года реализуется в Хуньчуне, где при Народном правительстве создан Центр по работе с иностранными партнерами, в персонал которого приглашен сразу ряд граждан России из числа выпускников китайских вузов, то есть лиц, владеющих двумя языками и знаниями о поведенческих и культурных особенностях двух сторон. Следует отметить, что иностранцы привлекаются в качестве переводчиков и специалистов по международному сотрудничеству и в японских муниципальных органах.

2. Внедрить практику проведения стажировок сотрудников органов власти и управления двух стран в учебных заведениях другой стороны с ознакомительными занятиями по специфике работы в органах власти страны-партнера.

Библиографический список:

Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996.

Bergsten, F.C. & Freeman, C. & Lardy, N.R. & Mitchell, D.J. (2009) *China's Rise: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, 2009. – 269 p.

Dear, M. & Burrige, A. (2005) *Cultural Integration and Hybridization at the United States-Mexico Borderlands*. *Cahiers de Geographie du Quebec*, 49/138, 301-318.

Metcalf, B. & Metcalf, T. (2006). *A Concise History of India*. Cambridge University Press, 400 p.

Александрова, М.В. (2005) *Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ*. М.: Издательство "ОГНИ", 2005. – 262 с.

Гудошников, Л.М. (1988) *Государственный строй Китайской Народной Республики*. М.: Наука, 1988. – 232 с.

Егоров, К.А. (1993) *Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы)*. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 208 с.

Зуенко, И.Ю. (2012) *О статусе городов субпровинциального значения в КНР. Россия и АТР. 2012. № 2. С. 145-153.*

Иванов, С.А. (2011) *Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации. Россия и АТР. 2011. №2. С. 143-153.*

Иванов, С.А. (2014) *Особые экономические зоны в Китае: уроки для дальневосточной политики. Россия и АТР. 2014. № 4. С. 129-141.*

Кондрашова, Л.И. (2008) *Реформа административно-территориального устройства КНР. Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 70-81.*

Ларин, В.Л. (2011) *Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века: избранные статьи и доклады. – Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2011. – 216 с.*

Ларин, В.Л. (2014) Тихоокеанская Азия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва. *Россия и АТР*. 2014. №3. С. 5-21.

BUREAUCRACY AT FRONTIER: THE PROBLEM OF REGIONAL GOVERNMENTS EFFECTIVENESS IN SINO-RUSSIAN RELATIONS

Zuenko I. Yu.

Zuenko Ivan Yurievich, Institute of History, Archaeology and Ethnography of People of Far East of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 690001, Vladivostok, Pushkinskaya Street, 89. E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Modern theories of globalization provide an idea of borderlands as a place where cultural and political spaces “blend”. The majority of relevant concepts are based on the studies of the USA-Mexico border. However an interaction between Russian and Chinese border areas demonstrates a different example that contradicts the aforementioned theories. Despite a considerable length of common border and a long history of cross border contacts the phenomenon of cultural and political “melting” is not typical here. The article deals with the problem of local governments’ activity in cross-border area of Russia and China, which is the mainstream of Sino-Russian regional cooperation. Being under the pressure of political practices in centralized state and motivated to develop mutual activity of subjects with different civilization code, the local bureaucracy tries to coordinate their decisions with the Center at the cost of neglecting trans-border relations. They don’t trust their ‘partners’ and balancing between risks and opportunities they prefer to make accent on risks. It results in both sides not taking into account specific characteristics of their partners, the specifics of communication and business culture, tend to make proposals without considering partners’ interests. Thus, the local authorities of both countries exercise their activity with no mutual understanding. This explains the low effectiveness of present Russian-Chinese regional cooperation that doesn’t fit the level of ‘strategic partnership’ between Moscow and Beijing.

Keywords: Russia, China, borderlands, frontier, bureaucracy

References:

Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996.

Bergsten, F.C. & Freeman, C. & Lardy, N.R. & Mitchell, D.J. (2009) *China's Rise: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, 2009. – 269 p.

Dear, M. & Burrige, A. (2005) *Cultural Integration and Hybridization at the United States-Mexico Borderlands*. *Cahiers de Geographie du Quebec*, 49/138, 301-318.

Metcalf, B. & Metcalf, T. (2006). *A Concise History of India*. Cambridge University Press, 400 p.

Alexandrova, M.V. (2005) *Economic cooperation between regions of Russia and China in the reforms era*. Moscow, Ogni Publishing House. 262 p.

Gudoshnikov, L.M. (1988) *The state regime in Peoples' Republic of China*. Moscow, Nauka. 232 p.

Egorov, K.A. (1993) *Peoples Republic of China: political system and political dynamics (1980s)*. Moscow, Nauka. 208 p.

Zyenko, I.Yu. (2012) *About subprovincial level cities in PRC*. *Rossiya i ATR*. 2012. № 2. P. 145-153.

Ivanov, S.A. (2011) *Activity of subnational governments in cross-border cooperation of Russia and China: containments and the problem of motivation*. *Rossiya i ATR*. 2011. №2. P. 143-153.

Ivanov, S.A. (2014) *Specific economic zones in China: lessons for Far Eastern politics*. *Rossiya i ATR*. 2014. № 4. P. 129-141.

Kondrashova, L.I. (2008) *Reform of administrative divisions system in PRC*. *Problemy Dalbego Vostoka*. 2008. № 1. P. 70-81.

Larin, V.L. (2011) *Pacific Russia at the context of foreign politics and internation relations in Asia Pacific*. Vladivostok, IHAE FEB RAS 216 c.

Larin, V.L. (2014) *Pacific Russia in Sino-Russian relation: waiting for the breakthrough*. *Rossiya i ATR*. 2014. №3. P. 5-21.